

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Л. Жариков

ФЛАГИ
НАД ГОРОДОМ

*Издательство
„Детская литература“*

Л. ЖАРИКОВ

ФЛАГИ НАД ГОРОДОМ

Москва
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1972

электронная версия
SHAMAN57
2016

Рисунки В. Колтунова

Жариков Л.

Ж34 **Флаги над городом.** Рис. В. Колтунова. М.,
«Дет. лит.», 1972.

32 с., с ил. (Книга за книгой), 300 000 экз., 7 коп.

Рассказ «Флаги над городом» — отрывок из книги Л. Жарикова «Повесть о суровом друге». Этот отрывок посвящён событиям первых дней после установления Советской власти в Донбассе: открытию школы, первому дню занятий, началу строительства новой жизни.

*Смело мы в бой пойдём
За власть Советов,
И, как один, умрём
В борьбе за это.*

1

После революции началась новая жизнь. Прогнали мы буржуев, и настала свобода!

Не было у нас больше царя, отменили бога. Кажется, и воздух в посёлке стал чище, солнце в небе сверкало веселей, и всюду, куда ни погляди, полыхали на ветру красные флаги революции.

Просто не верилось, что совсем недавно по городу разъезжали в богатых колясках баре, ходили по улицам усатые городовые с саблями. Владельцем завода был англичанин Юз, а рабочие трудились в огне, как в аду. Даже Васька работал на коксовых печах и чуть не умер там. А ему было всего только одиннадцать лет — чуть-чуть побольше, чем мне.

Теперь каторга кончилась: в городе не было ни одного буржуя, ни одного полицейского; и нигде не слышно ненавистных слов: «господин», «ваше благородие», «барин».

По улицам ходили вооружённые рабочие и называли друг друга по-новому: товарищ.

«Товарищ!» Какое красивое слово! Сколько теплоты и счастья в этом слове!

Раньше его произносили шёпотом, чтобы, не дай бог, не услышал городской, а то живо закуют в кандалы: «Против царя идёшь». Теперь это слово стало свободным, как птица, выпущенная на волю. Я любил его и повторял двести раз на день. Даже ночью, укрывшись с головой старым пиджаком и чувствуя спиной тёплую спину Васьки, я твердил про себя тихонько: «Товарищ, товарищи...»

Днём я бродил по городу и заговаривал с прохожими, чтобы лишний раз произнести слово «товарищ». Рабочий с винтовкой на плече обернётся и спросит: «Тебе чего, мальчик?» Ответишь что-нибудь: рукав измазан в глине, или: смотри, мол, винтовку не потеряй. Он улыбнётся, скажет «спасибо», а ты идёшь дальше, отыскивая, к кому бы ещё обратиться.

На углу нашей улицы торговала семечками бедная бабушка Ивановна. Я подходил к ней и, стараясь быть строгим, спрашивал:

— Товарищ бабушка, почём семечки?

Должно быть, старушке тоже нравилось это слово. Улыбаясь, она протягивала мне горсть семечек:

— Возьми, сыночек. Лузгай, сиротка.

Однажды я встретил Алёшу-пупка — нищего мальчика из посёлка «Шанхай». Было уже начало зимы, а он шёл без шапки, втянув нестриженую голо-

ву в воротник рваного женского сака. Я остановил Алёшу и спросил:

— Почему ты без шапки, товарищ?

— Нема, — тихо ответил Алёша, — порвалась шапка.

— Возьми мою, — предложил я, снимая с себя выцветший, драный картуз без козырька.

Алёша отказался взять у меня картуз и ответил:

— Обойдусь. Спасибо, товарищ.

И мы улыбнулись друг другу, согретые теплом этого слова.

Расставшись с Алёшей, я поспешил в город. Там было столько интересного, что не хватало дня, чтобы успеть всё увидеть. Давно нужно было поглядеть, как дядя Митя — наш председатель Совета рабочих и солдатских депутатов — заседает в Совете. Хотелось заглянуть и в банк.

Васькин отец Анисим Иванович стал теперь «уполномоченным финансов». Он уже не ползал на своей маленькой тележке, а ездил на линейке, запряжённой буланой лошадкой. Через плечо на тонком ремешке он носил наган, чтобы охранять народные деньги.

Я представлял себе, как Анисим Иванович сидит у дверей банка, набитого до потолка деньгами, и держит в одной руке наган, а в другой палку — попробуй-ка сунься за денежками!..

Каждый день появлялось что-нибудь новое. То в бывшем благородном собрании открыли рабочий клуб. То на пожарную площадь парни и девчата сносили иконы, складывали их в кучу и поджигали. Пламя весело плясало. (Мы с Васькой тоже сняли и забросили в костёр свои медные крестики.) То в быв-

шей судебной палате «именем революции» судили колбасника Цыбулю. На главной улице срывали старые эмалированные таблички: «Николаевский проспект» — и прибивали новые деревянные: «Улица имени рабочего Егора Устинова». Вывески были плохо оструганы, и от них пахло кровельной краской. Зато улица называлась именем моего отца. Мой отец погиб за революцию. Белые казаки сожгли его живьём в коксовой печи. Ребята говорили, что отцу поставят в городе памятник.

Нужно было сбегать и на завод. Управляющим рабочие выбрали Абдулкиного отца — дядю Гусейна. Посмотреть бы хоть в щёлочку, как дядя Гусейн управляет вместо Юза! Говорят, отобрали имение у генерала Шатохина и землю роздали крестьянам. Ещё интереснее было то, что женщины после революции поравнялись с мужчинами. Не все, правда: Васькина мать, тётя Матрёна, как и раньше, была выше Анисима Ивановича, а мать рыжего Илюхи совсем коротышка, но другие поравнялись — я это сразу заметил.

Много было дел, много в городе новостей, и разве можно пропустить хоть одну?

2

По дороге в центр города мне встретилась большая колонна рабочих. Вместо винтовок они зачем-то несли лопаты, пилы, кирки. Шагая в ногу, они дружно пели:

Вышли мы все из народа,
Дети семьи трудовой,
Братский союз и свобода —
Вот наш девиз боевой.

По дороге в центр города мне встретилась большая колонна рабочих.

Впереди плыл красный флаг. Он весело похлопывал о древко, будто хотел взлететь в голубое небо. Я смотрел, как рабочие свернули в боковую улицу, ведущую к заводу. Вот скрылась за домами последняя шеренга, и только доносились слова песни:

И водрузим над землёю
Красное знамя труда.

Из разговоров людей я узнал, что это был Первый Коммунистический трудовой отряд. Оказывается, вышел новый закон: «Кто не работает, тот не ест». Мне стало совестно: ведь я вчера и сегодня ел хлеб и даже тюрю, и узвар пил, а сам не работал. Как стыдно, когда есть — ешь, а не работаешь! «Теперь не буду ничего есть, — решил я. — Ни за что не буду».

В городе, в бывшей лавке Цыбули, открыли потребительскую кооперацию. Возле неё стояла длинная очередь за хлебом. Где-то здесь должен быть Васька, мой друг и защитник, верховод всех заводских ребят.

Женщины, закутавшись в платки, сидели на скамеечках, принесённых из дому, лузгали подсолнухи и рассказывали о том, как сегодня ночью у богатея Цыбули в земле под сараем нашли сто мешков муки и сколько-то много пудов конфет. Совет депутатов приказал раздать рабочим, кроме хлеба, ещё по фунту муки.

Узнал я из разговоров в очереди и о том, что за станцией Караванной идёт бой Красной гвардии с белогвардейским генералом Калединым и что туда уехал сам председатель Совета товарищ Арсентьев, или попросту — дядя Митя.

Ваську я нашёл в середине очереди. Здесь же бы-

ли одноногий гречонок Уча, Илюха и сын конторщика Витька-доктор.

Хлеб ещё не привозили, стоять в очереди нужно было долго. Мы решили пойти в Совет и узнать, верно ли, что скоро откроется школа для детей рабочих.

Мы оставили в очереди Илюху, передали ему свои хлебные карточки, а сами пошли в Совет.

По главной улице разъезжали конные красногвардейцы. Они были одеты кто в чём: кто в пиджаке, кто в пальто, кто в шинели. Сбоку на поясах висели разные шашки: у одних — загнутые на концах, точно колесо, у других — совсем прямые, у третьих — самодельные, без чехлов. Зато за спинами покачивались карабины, кони весело гарцевали — приятно было смотреть на красногвардейцев.

На длинном заборе поповского дома мы увидели лозунг, написанный красной краской:

«Октябрьская революция рабочих и крестьян началась под общим знаменем раскрепощения...»

Мы шли вдоль забора и читали пятисаженную надпись. Прочитав одну строчку, мы вернулись и принялись за другую:

«Раскрепощаются крестьяне... солдаты и матросы. Раскрепощаются рабочие... Всё живое и жизнеспособное раскрепощается от ненавистных оков».

Уча стукнул костылём в то место, где стояло слово «оков», и спросил:

— А что такое оковы?

— Кандалы, — объяснил Васька. — Помнишь, как Абдулкин отец, дядя Гусейн, из тюрьмы в цепях вышел?

Уча нахмурил угольные брови, поднял камень и

запустил им в дом колбасника Цыбули. Камень, не долетев, упал в снег, около забора.

В Совете рабочих и солдатских депутатов, в просторном зале, толпилось много народу — женщины с грудными детьми, рабочие, барышни в красных козырьках. Всюду стоял гомон, треск каких-то машинок.

На столах, поставленных в беспорядке, виднелись таблички: «Продкомиссар», «Отдел по борьбе с контрреволюцией», «Народное просвещение».

За самым дальним столом, в углу, где стояло пробитое пулями красное знамя с надписью: «Это будет последний и решительный бой!», мы увидели Васькиного отца Анисима Ивановича. Перед ним красовалась табличка: «Уполномоченный финансов».

Положив тяжёлые руки на стол, Анисим Иванович спорил с дядей Гусейном — управляющим заводом.

— Давай три миллиона, ничего я знать не хочу, — требовал Абдулкин отец.

— Нема же денег, — отвечал Анисим Иванович. — Не веришь, вот тебе ключ — проверь.

— Не хочу я проверять! Я должен пустить завод, а жалованье рабочим нечем платить.

— Ну, а я что могу поделывать? Все мы сейчас работаем бесплатно: и я и ты.

— О себе не говорю, чёрт меня не возьмёт, а рабочим нужно платить, понимаешь?

— Понимаю, а ты пойми, что денег в банке нема — буржуи увезли с собой все деньги.

Анисим Иванович повернулся к соседнему столу с табличкой: «Реквизиционный отдел», за которым сидел матрос:

— Слушай, товарищ Черновол, нельзя ли потрясти богатеев насчёт денег?

Матрос, тихо разговаривавший о чём-то с группой вооружённых рабочих, ответил:

— Трясём, товарищ Руднев. Клянутся всеми святыми, душу отдают, а деньги прячут. Но ты, товарищ управляющий, не горюй, для рабочих денег найдём.

Когда дядя Гусейн ушёл, мы протиснулись к Анисиму Ивановичу.

— А вам чего, шпингалеты? — спросил он с доброй улыбкой.

— Дядя Анисим, верно, что у нас школа будет? — спросил Уча.

— Это не по моей части, хлопцы. Во-он туда идите, третий стол от двери.

Уча поскакал на костыле туда, где виднелась та-

бличка: «Народное просвещение», и тотчас вернулся, громко крича:

— Будет! Сказали: будет!

Шумной ватагой мы высыпали на улицу и у входа столкнулись с Абдулкой, который откуда-то прибежал.

— Ребята, айда в завод! — сказал он, с трудом переводя дыхание. — Там народу тьма собралась, музыка играет.

Мы прислушались. В самом деле, где-то далеко гремели литавры, доносился рык басовой трубы.

3

Чтобы не обходить далеко, мы перелезли через забор. Завод теперь наш — кого бояться?

Абдулка сказал, что люди собрались около доменных печей. Туда мы и устремились.

Первым на нашем пути стоял прокатный цех — огромное безлюдное здание. Сквозь прорехи в крыше на железный пол падали холодные косые снопы солнечного света. Так просторно вокруг, так весело на душе! Захожу вот — и стану работать в каком угодно цехе: теперь наш завод!

За прокаткой стояли на путях мёртвые заводские паровозики «кукушки», сплошь занесённые снегом. Мы обогнули высокую, пробитую снарядом кирпичную трубу кузнечного цеха и вдали, у подножия доменных печей, увидели большое скопление народа. Пестрели красные косынки женщин, одетых в телогрейки.

Обгоня друг друга, мы подбежали и протиснулись в самую гущу толпы, поближе к железной бочке — трибуне.

Выступал бывший помощник моего отца по заводу, молотобоец Федя.

После гибели отца Федя жалел меня — часто заходил к Анисиму Ивановичу, где жил я теперь, и приносил мне то ломоть кукурузного хлеба, то кулёчек с сахаром.

— Товарищи! — восклицал Федя, оглядывая собравшихся. — Республика Советов находится в смертельной опасности. У нас нет денег, нет хлеба, нет топлива. Заводы и шахты стоят. Нам нужно скорее пустить завод, чтобы делать оружие для защиты добытой кровью свободы. Нам не на кого надеяться, товарищи. Мы должны сейчас же начать работу. Пока у нас нет денег, мы будем работать бесплатно, на пользу революции!

Взметнулось «ура». Тучи галок, сидевших на вершинах домен, взлетели и загорланили, кружась над печами. Заиграла музыка. Федя что-то ещё кричал, но уже ничего не было слышно.

На трибуну взобрался управляющий заводом дядя Гусейн. Он говорил про какого-то американского буржуя Вильсона, который приказал задушить нас голодом, про разруху и про то, что буржуи не простят нам того, что мы отняли у них власть, и пойдут на нас войной. А поэтому мы должны делать снаряды и пушки, патроны и винтовки.

Когда дядя Гусейн закончил свою речь, заколыхались знамёна, полетели в воздух шапки, грянула музыка, и молодые рабочие запели:

Вставай, проклятьем заклеимённый,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущённый
И в смертный бой вести готов,

Я видел, как Васька, сняв шапку, пел. Я тоже стал подтягивать, и мне казалось, что тысячеголосое, могучее пение вырывается из одной моей груди.

И если гром великий грянет
Над сворой псов и палачей,
Для нас всё так же солнце станет
Сиять огнём своих лучей.

После митинга рабочие разделились на отряды и с весёлыми шутками разошлись по цехам.

В пустынном, заброшенном заводе слышались голоса, здесь и там стучали молотки, раздавался лязг железа. Одни очищали от снега заводские пути, другие растаскивали баррикады, сложенные из опрокинутых вагонеток, грузили в вагоны рассыпанный уголь.

Потом, радуя слух, донёсся откуда-то свисток паровоза, и по шатким рельсам из-за доменных печей приползла чумазая маленькая «кукушка». На трубе развеялся красный лоскут, а спереди и по бокам, на буферах и подножках, стояли рабочие и радостно размахивали руками, шапками. Их встретили дружным «ура».

— Первая ласточка, товарищи! — закричал один из рабочих, спрыгивая на ходу с паровозика. — Ласточка революции! — И он мелом написал на боку паровозика эти слова.

«Кукушку» обступили, ласково ощупывали, грелись о её тёплые бока. Я тоже погрел руки, а Уча даже взобрался на буфер и сидел там, побалтывая ногой и весело размахивая деревянным костылём.

Управляющий заводом дядя Гусейн пожал машинистам руки и сказал:

— Придёт время, товарищи, когда у нас будет много больших паровозов. А эту «ласточку» мы себе

режём как память о первых днях Советской власти, память о нашем свободном, коммунистическом труде.

«Кукушка», казалось, тоже слушала дядю Гусейна, тихонько сопя и распуская по сторонам белые усы из пара. Потом она подцепила вагон с углём и, отдуваясь, повезла его в кузнечный цех. Скоро она снова вернулась, притащив паровозный кран с длинным изогнутым носом. Он стал грузить на платформы железный лом.

Вдруг невдалеке раздался взрыв, за ним другой. Земля вздрогнула так, что я чуть не упал.

— Козлы рвут! — услышал я чей-то радостный возглас. — В доменной козлы подрывают!

Напрасно я испугался. «Рвать козлы» — это значит очищать внутренность печи от застывшего чугуна. Теперь ожидай, что скоро пустят доменную печь, а потом — мартеновские, а за ними — прокатные станы!

Невозможно было удержаться, чтобы не работать. Вместе со взрослыми мы принялись за дело — собирали разбросанный инструмент, очищали от снега дороги. Я даже снял старую телогрейку, чтобы легче было. Никакая игра не казалась мне такой увлекательной, как эта работа. Особенно радостно было оттого, что я работаю бесплатно, на пользу революции. Если бы мне давали тысячу рублей, я и то не взял бы. Бесплатно работаю, на революцию! Сам товарищ Ленин пожал бы мне руку.

— Молодцы, ребята! — подхваливали нас взрослые. — Старайтесь, это всё для вас делается: вам доведётся в коммунизме жить!

— Мы и так не отстаём, — ответил за всех Васька. — Шибче, ребята, лучше старайтесь!

— Правильно, Вася, подгоняй хлопцев.

Один из рабочих увидел вдаль, над трубой кузнечно-костыльного цеха, чёрный дым, и зазвучали отовсюду оживлённые возгласы:

— Дым, дым!..

Галки, горланя от радости, закружили над дымом — погреться слетелись. До чего хорошая жизнь началась: даже птицы повеселели!

В самый разгар работы Уча, рывшийся в снегу, закричал нам:

— Сюда, скорее сюда!

Из-под железного хлама он вытащил ржавые, покрытые инеем кандалы — страшную, похожую на живую змею, цепь с двумя «браслетами» на концах.

— Оковы,— мрачно проговорил Васька, шевеля звенья цепи.

Ребята, притихшие, молча разглядывали цепь. Я тоже робко притронулся к холодной стальной змее. Васька выпустил кандалы, и они скользнули из рук, звякнули и свернулись клубком.

— Это в них Джон Юз рабочих заковывал,— сказал Абдулка.

— Конечно,— подтвердил Васька.

— Хорошо бы заковать буржуя! — угрожающе выговорил Абдулка.

— Давайте Сеньку-колбасника закуём,— предложил я.

— А что? Верно! — сказал Уча.— Поймаем и закуём!

Васька молчал, не то обдумывая, как лучше заковать колбасника, не то колеблясь — стоит ли пачкать руки.

— Сеньку неинтересно,— сказал он.— Юза бы заковать!

Заковать Юза, конечно, было бы хорошо, но Юз сбежал, а Сенька под рукой. Выманить бы его сейчас из дому, затащить в сарай и заковать — пусть бы орал. Вот почему я, когда Васька, размахнувшись, закинул кандалы в снег, пошёл туда, где они упали, поднял и опустил их за подкладку телогрейки через дыру в кармане. Неловко было ходить — кандалы перевешивали на один бок и противно звякали, но я не захотел расстаться с находкой, затаив злую думу против ненавистного колбасника. Ведь я не забыл и никогда в жизни не смог бы забыть того, как сын лавочника Сенька Цыбуля, издеваясь, катался на мне верхом.

Помню, Васька тогда болел тифом, и доктор сказал, что если он не съест кусок мяса, то умрёт. Я помчался к Сеньке.

Разве можно забыть то, как Сенька стоял тогда у дверей лавки, сосал конфеты и говорил мне: «Ладно, дам, только не за деньги. Буду кататься на тебе верхом».

Разве можно забыть, как он ездил, ездил на мне, а потом убежал. Тяжело было даже вспоминать про этот случай, и я давно собирался отомстить колбаснику...

Весело было в заводе, хорошо работать под музыку, но кто-то из ребят вспомнил об очереди за хлебом. Нужно было спешить, а то Илюха, чего доброго, съест наш хлеб. Ведь давали нам по четверти фунта на душу. Положи в рот — и нет пайка.

Мы с сожалением покинули завод и вернулись в город. Там уже выдавали хлеб и очередь наша приближалась. Скоро мы получили полфунта хлеба и фунт муки в шапку. Я вспомнил о новом законе: «Кто

не работает, тот не ест», а сам подумал, что теперь этот закон не про меня. Я ведь работал! Ох и вкусный хлеб, когда наработаешься!

4

Не прошло и двух дней, как нам объявили, чтобы мы собирались в школу. Это была самая радостная новость.

Школа! Сколько мы мечтали о ней, сколько раз проходили мимо гимназии, с завистью поглядывали на окна, за которыми учились буржуйские сынки! Сколько раз бородатый сторож, заметив нас, припавших к окнам, гонялся за нами с метлой! Если он уходил куда-нибудь, мы целый урок стояли под окнами.

Однажды мы видели, как отвечал урок Сенька-колбасник. В классе, развалясь, сидел красноносый поп отец Иоанн, перед ним, понуро опустив голову, стоял Сенька. Не то он не знал урока, не то был тупой (недаром три года сидел в одном классе). Поп злился и кричал на него: «Тебе говорят, болван, бог един в трёх лицах: бог-отец, бог-сын и бог — дух святой!» Колбасник моргал глазами и молчал. Поп Иоанн под конец сказал ему: «Тупа главы твоей вершина, нужна дубина в три аршина» — и велел идти на место.

Мы с Васькой смеялись, а Сенька показывал нам сквозь окно грязный кулак.

Когда раздался звонок, целая орава гимназистов под командой колбасника выбежала со двора и со свистом, гиком осыпала нас грудой камней. «Бей сапожников!» — кричали они. Мы защищались как могли, но нас было двое, а гимназистов — человек сто.

Огорчённые, мы ушли домой. Не то обидно, что нас избили гимназисты, а то, что нам нельзя учиться.

Меня отец кое-как научил читать и писать, но Васья не знал ни одной буквы. А как он хотел учиться!

И вот пришло счастье.

Собираясь в школу, я надел свою драную телогрейку, хотел было выбросить кандалы, но раздумал — вдруг Сенька встретится!

Тётя Матрёна дала нам по куску хлеба с солью, по луковице, и мы отправились.

Над бывшей гимназией, как пламя, колыхалось красное полотнище. Ребят собралось человек сорок. У многих висели через плечо холщовые сумки, но в них не было ни книг, ни тетрадей, ни карандашей. В длинных светлых коридорах гимназии было холодно. Окна почти все выбиты, парты изрезаны ножами. «Наверно, это Сенька-колбасник сделал со зла», — подумал я.

Весёлый шум, беготня наполнили гулкие классы.

Всех нас собрали в большой комнате. Там в ряд стояли поломанные парты. Расселись кто где. Мы с Васькой облюбовали самую высокую парту в отдалённом углу.

Взволнованные необычайным событием в нашей жизни, мы бегали, возились, и некогда было подумать, кто же у нас будет учителем. Поэтому мы удивились и не сразу поняли, что происходит, когда в класс вошёл механик Сиротка. Через плечо у него висел наган (Сиротка работал в отделе по борьбе с контрреволюцией).

— Товарищи ребяташки! — обратился к нам Сиротка, когда шум улёгся и наступила тишина. — Именем революции объявляю первую рабочую школу открытой. Вы, дети горькой нужды, получили право учиться, чтобы стать грамотными и прийти на смену

отцам, которые, может быть, сложат головы за рабочее дело. Тогда вы возьмёте наше знамя и пойдёте с ним дальше, к светлому коммунистическому будущему.

Ветер свистел в разбитых окнах, дребезжали торчащие в рамах осколки стёкол. Мы сидели тихо и внимательно слушали Сиротку.

— Буржуи говорят, что мы, рабочие, не сумеем управлять государством. Докажите этим вампирам, на что вы способны, оправдайте великое звание рабочего класса! Всё теперь принадлежит вам: школы, заводы и ваша судьба. Учитесь больше и лучше. Нам надо победить борющиеся с нами классы и пойти дальше. Таково веление жизни, товарищи ребяташки: на земле началась эпоха мировой революции.

Помолчав, Сиротка закончил свою речь словами, удивившими нас:

— Жалко, что учителей для вас мы пока не нашли. Некоторые учителя находятся в Красной гвардии, другие частично расстреляны бывшим царским правительством, а ещё есть такие, что убежали с кадетами. Совет рабочих и солдатских депутатов приказал мне временно быть вашим учителем, пока найдём настоящих.

Хотя из речи нашего учителя я не понял половины слов, зато слова эти были полны тайной красоты: «веление жизни», «эпоха мировой революции».

После речи Сиротки в класс вошёл товарищ Арсентьев — дядя Митя. Он окинул нас внимательным взглядом, что-то сказал Сиротке, и они пошли по рядам, внимательно оглядывая каждого из нас, ощупывая одежду. Около Алёши-пупка дядя Митя задержался особенно долго, даже присел на корточки и потрогал его рваные галоши, подвязанные верёвками.

Сиротка начал вызывать нас по очереди и выдавал кому новый пиджак, кому тёплую шапку, кому тяжёлые солдатские сапоги с обмотками.

После осмотра дядя Митя вышел в коридор, а затем вернулся, но уже в сопровождении двух красногвардейцев, нагруженных ворохами разнообразной одежды и обуви.

Всё стало ясно. Мы заволновались.

Сиротка начал вызывать нас по очереди к доске, где дядя Митя разбирал кучу вещей и выдавал кому новый пиджак, кому тёплую шапку, кому тяжёлые солдатские ботинки с обмотками.

Ваське досталась зелёная военная гимнастёрка, а мне — новые ватные штаны и чёрная жилетка. Вернувшись на место, я осторожно, чтобы не звенели кандалы, снял свою телогрейку и напялил на себя жилетку. Она была без рукавов, грела плохо, но зато в ней имелось четыре карманчика.

В классе раздался смех, когда Уче дали сапоги. Дядя Митя и Сиротка растерялись: сапог пара, а у гречонка одна нога. Обрадованный, Уча сам нашёл выход и сказал, что он сперва износит левый сапог, а потом на той же ноге будет носить правый.

Всем понравилось, что Алёшу-пупка одели с ног до головы. Сиротка снял с него женский сак и выбросил в коридор. Вместо этого на Алёшу надели новое пальто, тёплую шапку-ушанку, дали новые ботинки и огромные синие галифе с красными лампасами.

Никого не обделили — каждому что-нибудь досталось. Когда дядя Митя ушёл, Сиротка сказал, что подарки прислал нам Совет рабочих и солдатских депутатов.

— Я знаю, — тихонько шепнул мне Васька, — это Ленин прислал нам вещи.

Растроганные, мы долго не могли угомониться.

Потом начался урок. Тетрадей не было. Откуда-то

принесли кипу старых газет «Русское слово» и роздали каждому по газете. Вместо карандашей дали по кусочку древесного угля. Если им провести по газете, получалась ясная линия.

Снова поднялся шум: шуршание газет, шёпот. После этих приготовлений учитель опросил всех по очереди, кто грамотный, а кто совсем не знает букв.

Васе пришлось пересесть в левую часть класса, где собрались неграмотные. Вместо него ко мне посадили Витьку-доктора.

Сердце зашлось от счастья: мы в школе и сейчас начнём учиться. Но вдруг опять открылась дверь, и в класс вошли какие-то люди с винтовками. Они вызвали Сиротку. По громкому разговору за дверью я понял: поймали какого-то буржуя и красногвардейцы пришли спросить у Сиротки, что с ним делать.

— Не отрывайте меня по пустякам,— говорил Сиротка.— Не знаете, что делать? Посадить в кутузку до моего прихода.

Не успели уйти эти, как явились новые, опять вызвали Сиротку и сказали, что его срочно требуют к телефону. Наш учитель в сердцах хлопнул дверью и не пошёл.

Урок начался с того, что Сиротка вывел мелом на доске букву «а» и приказал неграмотным десять раз написать эту букву у себя на газетах. Умеющим писать,— мне, Витьке-доктору и ещё двоим ребятам из посёлка «Шанхай»,— он стал громко диктовать с какой-то бумажки.

Разгладив свою газету на парте, я старательно выводил:

«Товарищи рабочие, солдаты, крестьяне, все тру-

дящиеся! Рабочая и крестьянская революция окончательно победила в Петрограде...»

Руки мои дрожали. Напрягаясь изо всех сил, так что на лбу выступил пот, я аккуратно выводил каждую букву. Сначала писал на полях газеты, а когда не хватило места, начал чертить буквы прямо на газете, где было напечатано отречение царя: «Божию милостию мы, Николай Второй...»

«Дождался, царюга-зверюга», — невольно подумалось мне, и я с удовольствием подчеркнул написанную мною строчку: «Революция окончательно победила». Я хотел ещё яснее обвести эти хорошие слова, но у меня сломался уголёк. Писать было нечем. Я оглянулся: Васька тоже сидел сложа руки; нос у него был испачкан в угле. Оказалось, что у многих ребят кончились угольки, и они сидели, не зная, что делать.

Васька сообразил: он попросил разрешения сбегать на улицу и скоро вернулся с пригоршней щепок. Тут же, в классе, их обожгли с одного конца. Неважные получились угольки, но всё-таки...

Занятия возобновились. Сиротка ходил по классу и диктовал:

— «...Революция окончательно победила в Петрограде, рассеявши и арестовавши последние остатки небольшого числа казаков, обманутых Керенским...»

Чтобы Витька-доктор не толкнул меня под локоть, я отодвинулся. Витька уже давно написал и теперь вертелся и заглядывал ко мне в газету. Ему было хорошо — он ещё при царе учился в приходской школе, но мне не хотелось уступать Витьке, я старался написать не хуже его. Повернувшись к нему спиной, чтобы

он не заглядывал, я трудился. Но Витька вдруг засмеялся и крикнул учителю:

— А Лёнька неправильно пишет!

— Как так неправильно? — возмутился я.

— Слово «Керенский» он пишет с маленькой буквы, а нужно с большой.

— Вот так сказанул: Керенский рабочих расстреливал, Ленина хотел арестовать, а мы его будем писать с большой буквы?

— Рабочие здесь ни при чём,— заявил Витька.— Если фамилия, значит, нужно с большой.

— Может, скажешь, что и царя Николая нужно писать с большой буквы?

— Конечно.

Это было уж слишком. В классе поднялся шум. Как Сиротка ни успокаивал, ребята кричали.

— С маленькой! — заявляли даже те, что сидели слева.

Васька поднялся с места и сказал:

— Довольно, попили нашей крови! Нехай буржуи пишут с большой, а мы будем с маленькой.

— Писать будем так...— сказал Сиротка, нахмурив брови.

Мы насторожились. Воцарилась тишина, ученики впились взглядами в Сиротку.

— Писать будем так, как требует грамматика, то есть с большой буквы. Керенский от этого больше не станет, он для нас теперь маленький, вроде блохи. А кричать в классе не разрешаю,— продолжал Сиротка строго.— Вы не в буржуйской школе, а в пролетарской. Должна быть дисциплина и сознательность. Если нужно спросить, подними руку и скажи: «Прошу слова».

— Съел? — прошипел Витька, поворачиваясь ко мне.

— Только выйди, я тебе дам! — пригрозил я.

Сиротка продолжал диктовать, а мы старательно шуршали угольками по газетам.

«За нами большинство трудящихся и угнетённых во всём мире. За нами дело справедливости. Наша победа обеспечена...»

Подождав пока отставшие закончат писать, Сиротка стал диктовать дальше:

— «Товарищи трудящиеся! Помните, что вы сами теперь управляете государством. Никто вам не поможет, если вы сами не объединитесь и не возьмёте все дела государства в свои руки... Берегите, храните, как зеницу ока, землю, хлеб, фабрики, орудия, продукты, транспорт — всё это отныне будет всецело вашим, общенародным достоянием. Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин)».

Слово «Ленин» мне захотелось написать красным, но чем? Потом я вспомнил: у меня под полкой телогрейки должен лежать кусочек бурой шахтной породы. Я пошарил и нашёл. Слово «Ленин» получилось таким красивым, что ребята запросили: «Дай!» Не хотелось мне, чтобы у других было так же, как у меня, но я подумал: «Нельзя быть жадным, ведь мы все теперь товарищи». Я роздал ребятам по кусочку породы, только Витьке-доктору не дал.

Когда закончился диктант, Сиротка прошёл по рядам и у кого было чисто написано, хвалил, а кто размазал уголь по газете, ругал. Меня он даже погладил по голове и сказал:

— Молодец.

На переменке никто не кувыркался, не скакал.

Все ходили степенно — боялись помять подаренную одежду. Абдулка даже не захотел подворачивать рукава новой телогрейки, и они висели до колен. Я решил помочь ему, но он зашипел на меня:

— Отойди, не цапай!

После урока чистописания рассказывали стихи. Витька-доктор, задаваясь, рассказал: «Дети, в школу собирайтесь». Я прочитал: «Кушай тюрю, Яша, молочка-то нет». Васька удивил всех: он вышел к доске и громким голосом рассказал по-украински стих: «Похойайте та вставайте...» Горящее от волнения лицо Васьки было красивым, а глаза — точь-в-точь два огонька.

На этом уроки закончились. Две работницы внесли в класс большую тарелку, накрытую газетой, и роздали каждому ученику по кусочку селёдки без хлеба и по два сладких леденца.

5

Счастливый день! Всё было радостным: и слова Ленина, которые диктовал нам Сиротка, и светлая классная комната, и подарки Совета, и наш однорукый учитель, вооружённый наганом.

Уплетая на ходу селёдку, мы высыпали на улицу.

Около дверей школы стоял мрачный Илюха. Теперь он жалел, что не пошёл учиться. Глаза у него загорелись злым огнём, когда он увидел надетые на всех нас обновки: сапоги, валенки, новые пальто.

— Илюха, ты чего не захотел учиться? — спросил Витька-доктор, подбегая к рыжему.

— Я уже грамотный, — важно ответил тот.

— Эх ты, грамотный! — сказал Витька-доктор.— Ну скажи, если ты грамотный: скажи, слово «дверь» какого падежа?

Илюха тупо глядел на Витьку и молчал, потом спросил:

— Чего?

— «Чего, чего!» У тебя спрашивают: дверь какого падежа — именительного или, например, творительного?

Илюха ухмыльнулся:

— Думаешь, не знаю? Конечно, отворительного и ещё... затворительного.

Витька так и присел от смеха, и я, хотя и не знал, что такое падежи, тоже смеялся. «Илюха отворительный, Илюха затворительный!» — дразнил я. Илюха злился, а мне было весело.

По дороге домой Илюха пощупал мои ватные штаны и спросил:

— Почём платил?

— Сто рублей.

— А мне можно учиться? — спросил Илюха.

— Ты же грамотный.

Илюха не ответил. Он остановился и начал всматриваться в даль улицы.

— Смотрите! — вскричал он.— Смотрите, буржуи работают!

Посреди мостовой, под охраной четырёх красногвардейцев, выковыривали ломami вмёрзшие в землю камни, носили песок буржуи. Здесь были толстые барыни в шляпах с перьями, жирные купцы в меховых шубах. Даже городской в фуражке без кокарды стучал по камням молотком. Потом я рассмотрел в толпе богачей колбасника Цыбулю. С недовольным ви-

дом он тыкал в землю лопатой и то и дело вытирал платком лоб.

Толстые барыни в туфлях на высоких каблуках носили малюсенькие камни и хныкали, как будто им было очень тяжело.

Прохожие обступили буржуев и посмеивались:

— Копайте, копайте! Поработайте хоть немножко в своей жизни!

Цыбуля покосился злыми бычьими глазами и пробурчал себе под нос:

— Не шибко радуйтесь! Недолго продержится ваша власть.

— Чего они здесь копают? — с удивлением спросил Уча.

— Осуждённая буржуазия, — объяснил Васька.

Кто-то из ребят увидел Сеньку-колбасника. Он стоял недалеко и, глядя на своего отца, ревел.

Я толкнул Ваську и тихо, чтобы не спугнуть колбасника, зашептал:

— Вась, давай закуём Сеньку?

— Брось пачкаться! Охота тебе!

Охота! Нет, не охотой нужно было назвать моё желание расправиться с колбасником — у меня даже ноги тряслись, так я хотел поймать Сеньку. Кандалы были при мне.

— Уча, закуём? — шёпотом, чтобы не слышал Васька, предложил я гречонку.

— Давай! — И Уча поскакал на дребезжащем костыле.

Сапоги, перекинутые через плечо, подпрыгивали и ударяли его по спине.

Я бросился наперерез Сеньке. Но всё дело испортил Илюха. Он побежал прямо на Сеньку и закричал: «Лови его, держи!» Колбасник увидел меня и пустился во весь дух вдоль улицы. Уча снял с плеча сапоги и швырнул их вдогонку Сеньке. Сапоги угодили тому в ноги, он запутался в них и, не добежав до калитки, упал.

Два прыжка — и я очутился верхом на своём исконном враге. Абдулка, Илюха и Уча держали Сеньку, я, торопясь, тянул из кармана кандалы.

— Руки ему заковать! — хрипел Абдулка.

— Лучше ноги. Держи ноги.

Как назло, кандалы зацепились за подкладку, и я никак не мог их вытащить.

— Карау-ул! — дрыгая ногами, завопил колбасник.

Наконец я достал кандалы, но тут понял, что не

знаю, как нужно заковывать. Почему-то мне сделалось стыдно, вспомнились слова Васьки: «Охота тебе пачкаться». Я поднялся и сказал ребятам:

— Пустите его к свиньям.

Сенька, всхлипывая, поднялся и, ни слова не говоря, поплёлся по улице. Отойдя, он вдруг закричал:

— Подождите, оборванцы! Скоро до нас немцы придут— тогда всех вас на сук!

Я размахнулся, чтобы запустить в колбасника цепями, но кто-то сильный взял меня за руку. Я повернулся и увидел перед собой коренастую фигуру управляющего заводом, дядю Гусейна.

— Ты что делаешь? — строго спросил он.

— Это буржуй,— пытался оправдаться я.

Ко мне подошёл Уча и добавил:

— Он угнетал Лёньку.

— Верхом на Лёньке катался,— поддержал подошедший Васька.

Дядя Гусейн отобрал у меня кандалы, молча оглядел их.

— Довольно, откатались,— сказал он негромко и задумчиво: вспомнил, наверно, как сам был закован в цепи,— откатались, Вася. А кандалы мы сдадим в революционный музей, чтобы трудящиеся люди никогда не забывали о том, что значит буржуйская власть. Айда по домам, хлопцы!

6

До поздней ночи я ворочался в постели — никак не мог уснуть. Сколько интересного было в этот день! А сколько ещё будет впереди! Теперь у нас свобода. Хотя нет у меня ни отца, ни матери — все люди для меня родные, все товарищи.

«Товарищ!» Стоит только прошептать это слово, и возникает перед глазами яркое утро. В зелени акаций поют птицы, а небо над городом высокое и просторное — кажется, оттолкнись, взмахни руками, как крыльями, и взлетишь высоко-высоко, а там, в небе, только разводи руками в стороны и плыви. Вот движется навстречу белое облако, ты облетаешь его стороной или становишься на облако ногами и громко кричишь: «Товарищи, я товарищ!» Далеко земля, никто не слышит, только птицы летают вокруг. А ты плывёшь, сидя на облаке. Куда хочешь плыви, хоть в самый Петроград. В этом городе тоже развеваются красные флаги, и подходит сам Ленин, подходит и говорит: «Ну, товарищ, слезай». Обняв за плечи, как когда-то делал отец, Ленин поднимает меня и смеётся: «Ах ты, товарищ!..»

Цена 7 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

В серии «Книга за книгой» в 1972 году выходят следующие книги:

Астафьев В. ДЯДЯ КУЗЯ — КУРИНЫЙ НАЧАЛЬНИК.

Весёлые рассказы о колхозных делах

Голявкин В. МЯЧ И ЧИЖ.

Весёлые рассказы о ребятах

Евдокимов Н. РАССКАЗ О КРАСНОМ ГАЛСТУКЕ.

Глава из романа «У памяти свои законы» рассказывает о том, как девочка-пионерка дорожит своим пионерским галстуком.

Надеждина Н. ПРИКЛЮЧЕНИЕ КАШТАНОВА-МЛАДШЕГО.

Четыре рассказа, в которых раскрываются характеры четырех мальчиков.

Эти книги по мере выхода их в свет можно приобрести в магазинах Книготорга и потребительской кооперации.

Для младшего школьного возраста

Жариков Леонид Михайлович

ФЛАГИ НАД ГОРОДОМ

Ответственный редактор *Т. В. Жарова*. Художественный редактор *Б. А. Дехтерёв*.
Технический редактор *Л. П. Костилова*. Корректор *В. К. Мирингоф*.

Сдано в набор 4/IX 1972 г. Подписано к печати 14/XI 1972 г. Формат 60×90^{1/16}. Печ. л. 2.
(Уч.-изд. л. 1,37). Тираж 300 000 экз. Бум. № 2.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного Комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Государственного Комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Суцёвский вал, 49. Заказ № 4738.